

ОН УМЕР совсем молодым — в сорок пять лет. Его смерть была тем более нелепа, что он прошел невредимым всю войну — от первых ее дней и до последних. Прошел не только как военный корреспондент, но и как беззаветно храбрый офицер, всегда стремившийся попасть первым туда, где было особенно трудно. Лишь фронтовики могут в полной мере оценить его боевой путь. Болота Калининского фронта, горящие леса и нивы Западного. А потом победное наступление наших войск. Третий Украинский фронт — с ним он прошел от Сиваша до Черного моря. С Третьим Белорусским — до западных границ нашей Родины. И, наконец, освободительный поход советских войск — Румыния и Венгрия. Он вернулся с войны с двумя боевыми орденами — Красной Звезды и Отечественной войны. А через два месяца после победы, 29 июля 1945 года, остановилось его сердце.

Невысокого роста, стройный, худощавый, он был олицетворением стремительной энергии и искрящегося жизнелюбия. Но мы, близкие его друзья, знали, какие огромные физические нагрузки выдержали его по-мальчишески хрупкие плечи, какие огромные эмоциональные нагрузки выдержало его неугомонное сердце.

Габриэль Аркадьевич Эль-Регистан, армянин по национальности, родился в солнечном Самарканде в самом конце прошлого века, 15 декабря 1899 года. Двенадцать детей воспитал его отец, дал им образование и привил любовь к труду. Отец был страстно влюблен в восточную поэзию, читал в подлиннике арабские и персидские книги и рукописи. И Габриэль уже в шестнадцать лет, помимо русского и армянского, свободно владел узбекским, азербайджанским и таджикским языками. И, конечно же, бесконечно лю-

бил литературу и мечтал посвятить ей свою жизнь.

Юность родившихся на стыке XIX и XX веков совпала с годами небывалых социальных потрясений и классовых битв, с величайшим событием всех эпох — Великой Октябрьской социалистической революцией. Не остался в стороне от этих событий и Габриэль Эль-Регистан. Из далекого Самарканда, преодо-

правды», а потом работает специальным корреспондентом «Известий» по Средней Азии.

Журналистом Габриэль был выдающимся. Недаром Алексей Толстой в одной из своих статей включил его в тройку лучших журналистов страны, назвав рядом с именами Ильи Эренбурга и Михаила Кольцова.

Мы были очень близкими друзьями. Такими, о кото-

Сергей МИХАЛКОВ,

Герой
Социалистического Труда,
депутат Верховного
Совета СССР

СЛОВО О МОЕМ ДРУГЕ

Уважаемая редакция!

Я молодой читатель и пока еще не знаю многих славных имен советской многонациональной литературы. Недавно опубликован Гимн Советского Союза в новой редакции. Один из авторов текста — Г. Эль-Регистан. Нельзя ли рассказать на страницах газеты о жизни и творчестве этого писателя?

А. СНЕГИРЕВ

СВЕРДЛОВСК

лев труднейший путь, перебирается он в рабочий Баку, чтоб вступить там добровольцем в Красную гвардию. В ее рядах борется он с мусаватистами, а после оккупации Баку интервентами перебирается в Армению, где участвует в востаннии 1-го армянского коммунистического полка против дашнаков.

Только в 1924 году, в мирном уже Тбилиси, начала осуществляться мечта его юности — в газете «Рабочая правда» появилась маленькая заметка-репортаж, подписанная его именем. Уже через год вся Средняя Азия читала рассказы и очерки Г. Эль-Регистана — вернувшись в Самарканд, а затем в Ташкент, он становится корреспондентом «Узбекистанской

рых говорят, что они и часа не могут обойтись друг без друга. И все-таки я видел его урывками. Он стремительно врвался в мой дом, бросал на тахту какой-нибудь необычный сувенир — расплюснутую о скалу пулю басмача, привезенную с памирской погранзаставы, или обломок фюзеляжа самолета Молокова, на котором они совершили вынужденную посадку во льдах в районе Таймыра, обрушивал на нас фейерверк блестящих рассказов о своем недавнем путешествии и, не успев их даже записать в блокнот, снова куда-то спешил — убежал, уезжал, улетал.

Сколько же было написано им за те короткие двадцать лет, что отпустила ему жизнь на творчество?

Это несколько сотен рассказов, очерков и фельетонов, которые чуть ли не еженедельно появлялись во всех газетах Средней Азии, в «Правде», «Известиях», «Комсомольской правде», «Литературной газете», «Огоньке», «Новом мире», «Молодой гвардии»... Написанные сочно, хлестко, они прочитывались залпом, их ждали и редакторы, и читатели. Потому что в них всегда бился пульс времени, они были населены живыми людьми, и, главное, они были убедительно достоверны: в них всегда присутствовал автор — не только очевидец, но и горячий участник событий. Очередной материал уходил

в набор, а он снова спешил к «горячим точкам» страны, чтобы первым сообщить о наших первых победах — Беломорканал... Балхан... Караганда... Кузбасс... Магнитка... Сталинградский тракторный... Уралмаш... Сибмаш...

И еще одна страсть жила в его сердце — страсть путешественника. Попасть туда, где до него никто не был. И он совершает четыре путешествия в почти недоступные районы Памира, пять путешествий по неисследованным местам Тянь-Шаня, дважды пересекает Алтай, трижды — пустыни Каракум, Кызылкум и Бетпак-Дала и, наконец, жужжит, совершает два арктических перелета с Василием Молоковыми, которые проложили авиационную трассу на Диксон. Чтобы воплотить эти путешествия в большие книги, необходимы были годы. А корреспондентская работа не давала ему порой и свободного дня. И все-таки один за другим появляются четыре его фильма о первых путешествиях: «Тайна черных гор», «Когда умирают эмиры», «Эмигрант» и,

наконец, один из первых наших приключенческих фильмов — неподвластный времени «Джудльбарс». Полеты на Север подарили ему книги «Необычайное путешествие» и «Следопыты далекого Севера». А Тянь-шаньские впечатления легли в основу сборника «Стальной Коготь» — и до сих пор малыши в наших школах учатся по одноименному рассказу родной русской речи.

Тридцатые годы принесли Эль-Регистану книги очерков «Большой Ферганский канал» и «Москва — Кара-Кум — Москва». Участник небывалого по трудности автопробега, за которым следила вся страна, он проявил себя не только блестящим очеркистом, но и стойким, мужественным человеком, о котором его товарищи по пробегу до сих пор вспоминают с восхищением, рассказывая, как в пятидесятиградусную жару, когда все задыхалось от жажды, он тратил свой ничтожно малый паек воды на то, чтоб всегда быть чисто выбритым и умытым. А когда, вытащив из очередного бархана тяжелые, раскаленные машины, все валились от усталости в их тень, он доставал блокнот, писал корреспонденцию и бежал к проходящему вдали каравану, чтобы переслать ее в ближайший кишлак, где есть телефонная или телеграфная связь.

Его сын, поэт Гарольд Регистан, показывал мне блокноты, исписанные четким бисерным почерком отца, — материалы для книг, которые тот собирался написать, когда образуется, наконец, пауза в стремительной череде журналистских дел и можно будет обобщить увиденное. Только один раз он позволил себе не отрываться от письменного стола целых два месяца. Это было в 1943 году, когда мы вместе трудились над текстом Государственного гимна Советского Союза. Я часто вспоминал это время, работая над новой редакцией Гимна...